

*Е. В. Попова***МАСЛЕНИЦА В НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ БЕСЕРМЯН:
ВРЕМЕННЫЕ, ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ПИЩЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ**

В статье рассматриваются пищевые, временные и пространственные параметры Масленицы (*маченча, мачинча*) в народном календаре и их трансформация в современном обряде бесермян. Временные параметры праздника были ограничены масленичной неделей – последней перед Великим постом, где регламентировались начало и завершение этого периода, некоторые виды работ, формы развлечений и трапез. Пространственные параметры обряда, как и движение (катание), имели продуцирующий характер, направленный на получение хорошего урожая (льна), и были связаны с женскими ремеслами. В дни Масленицы объекты ландшафта: гора, улица, центр села – были местом праздничных катаний, гуляния, встреч. Обряды Масленицы отражали социальные изменения некоторых жителей и чествования членов деревенского сообщества, семьи, социально-возрастных групп в их новом статусе: молодоженов, молодух, девушек и парней брачного возраста. Трапезы, визиты к родным и праздничные обходы молодежи деревни с угощением были частью праздника. Основное его блюдо – небольшие лепешки *табань* из дрожжевого теста. Как общественное событие современная Масленица отсылает к празднику «Проводов русской зимы», с изменением пространственных, временных и пищевых параметров традиционного обряда. Статья основана на полевых материалах, наблюдения за современным обрядом.

Ключевые слова: бесермяне, масленица, народный календарь, игры, ритуальная пища, время, пространство.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-697-710

Введение

Масленичная неделя, предшествующая Великому посту, – это период народного календаря с особыми пространственными, временными, пищевыми и ритуальными параметрами. Масленица как переходное время от зимнего цикла к весенне-летнему включала визиты к родным, обходы и объезды деревни, катания с гор, блюда и трапезы. В обрядах были разные функции родственных, возрастных и гендерных групп. Ритуальные действия, направленные на предстоящий календарный и аграрный год, имели продуцирующий характер: проводились для получения хорошего урожая технических культур (льна, конопли) и были связаны с женскими ремеслами – прядением, ткачеством. На основе полевых материалов в статье рассматриваются временные, пространственные и пищевые параметры масленичных традиций бесермян, а также их трансформация в XX в.; попытки ревитализации отдельных элементов в современной праздничной культуре села. Статья не претендует на детальное восстановление структуры традиционного обряда, ввиду фиксации позднего материала, который однако позволяют восстановить некоторые важные параметры.

Масленица в народном календаре бесермян не была предметом специального изучения. К сведениям XIX в. относится упоминание о масленичных обходах деревни девушками [Штейнфельд 1894, 247]. Некоторые масленичные развлечения и способы катания упоминаются в статье о праздничном общении молодежи [Попова 1992]. Терминология Масленицы жителей д. Шамардан, а именно: хрононимы и примеры их употребления – вошли в «Гезаурус бесермянского наречия»: название праздника *мачинча* [Усачева и др. 2017, 303] и связанные с масленицей поминки *вое пэрон поминка* и *четвертой поминка* [там же, 304].

В основу исследования положены интервью, наблюдения и анализ современной традиции. Большое внимание уделялось записи воспоминаний об обрядах пер. пол. и сер. XX в., что необходимо было для понимания структуры традиционной Масленицы, и сохранившихся её элементов. Материалы, собранные на бесермянском языке, в статье даны в переводе на русский с сохранением обрядовой терминологии, хрононимов, названий предметов и ритуальной пищи. Сведения о более традиционных элементах содержатся в рассказах информантов 1920–1930 гг. рождения и ранее. Описание праздника первой половины и середины XX в. позволяет восстановить некоторые исчезнувшие элементы. Пересказ воспоминаний старших родственников и односельчан даёт сведения об обряде первой половины XX века. Это информация об утраченных позже элементах или сохранившихся фраг-

ментарно в сер. XX в.: катание с гор, выезды на лошадях, ритуальная пища, гостевые визиты, проводы Масленицы, начало поста. Специальные масленичные тексты и ряжение, обряд сжигания чучела Масленицы, характерные для ряда традиций, не встречались. В памяти среднего и молодого поколения Масленица – это уже праздник «Проводов русской зимы» в формате мероприятий сельских клубов 1970–1980-х гг. В наши дни праздник претерпевает очередную трансформацию: он уходит от формата 1970–1980-х гг., идёт конструирование новой традиции с элементами фольклоризации, культурой фестивалей и массовых мероприятий, появлением элементов, порой не связанных с местной этнической или локальной традицией.

В сравнительном аспекте актуальны работы о Масленице в календаре удмуртов [Владыкина 1998; Владыкина, Глухова 2011], русских соседних территорий [см., напр.: Корепова 2009, Черных 2007], а также конструировании (изобретении) современного праздника, методической работе и роли в этом сельских клубов [Гаврилова 2016].

Хрононимы и временные параметры масленичной недели

Масленичная неделя предвеляла Великий пост православного календаря, но некоторые обряды начинались со Вселенской родительской (мясопустной) субботы (последняя суббота перед Масленицей), известной у бесермян как *вёе пёрон поминка*¹ (букв.: поминки вхождения /начала масленицы), и заканчивались во Вселенскую родительскую субботу четвёртой недели Великого Поста (здесь четвертая седмица Великого поста) – *четвертой поминка* (с. Ёжево, д. Шамардан).

Хрононимы и символика Масленицы

Для обозначения Масленицы в календаре бесермян используется термин, производный от русского названия праздника как «масленица» и локального русского диалектного «масленка»: *маченча* (дд. Ёжево, Шамардан, Тылыс, Турчино, Жувам, Ворца, Бигер Боня, Ново-Люк), *масенча* (д. Шамардан), *мачинча*; *масленча* (дд. Гулекшур, Гурзи, Юнда, Турчино, Филимоново), *масленка* (д. Гулекшур). К названию иногда добавляли слово *юон* (букв.: пить, в значении веселиться, гулять, угощать) – *маченча юон* (букв.: пить/праздновать/гулять масленицу), *юоно кучеко маченча* (букв.: начинают пить / гулять масленицу) (д. Шамардан). Хрононим встречается в названии масленичной недели: *маченча арня / мачинча арня* (букв.: масленичная неделя).

Последний день Масленицы называли, как и всю неделю, – *маченча/мачинча* и *маченча келян* (букв.: проводы Масленицы) (д. Гулекшур), что означало завершение праздничных гуляний. Встречались хрононимы с указанием масленичных блюд: *табань сиён нунал* (букв.: день поедания лепешек / табань), *большом сиён нунал* (д. Юнда) (букв.: день, когда едят *большом*(блины)), – здесь локальный термин, где речь идёт о блинах¹ (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., д. Юнда). Этот день включал объезды деревни, гостевые визиты, обходы домов молодежью, приготовление выпечки, что символизировало завершение праздника и проводы Масленицы. У северных удмуртов также распространён хрононим от русского названия «масленица», – *масленча* (ПМА) [Владыкина, Глухова 2011, 233–235]; в южно-удмуртской традиции праздник известен и как *вёйдыр* (букв.: масляное время, время поедания масла) [Владыкина, Глухова 2011, 190–194], в основе его удмуртское слово *вёй* – масло.

Понедельник после Масленицы – Чистый понедельник – называли *крень нунал* (букв.: день хрена), *крень* (хрен). Он символизировал начало поста, переход к блюдам с овощами, в том числе, с редькой и хреном: «Катались в Масленицу (*масленча*) с четверга по пятницу. Потом начинался с понедельника пост и понедельник называли *крень*. Ели постную пищу (*постной сиён*)» (ПМА, 2000. Е. В. Зянкина, 1924 г. р., д. Филимоново); «*Крень* (здесь: Чистый четверг) раньше день держали, сейчас не держат. Пост начинался: ели все без масла» (ПМА, 2000. Т. С. Балтачева, 1937 г. р., д. Тылыс).

В воспоминаниях фиксируется также появление названия «Проводы русской зимы». Речь идёт о новом празднике, организованном сельскими клубами в деревнях бесермян, как и везде в 1970–80-х гг.: «*Сейчас вот «Проводы зимы» уже называют. А вот это Масленицу маченча прежде проводили. Очень весело она тоже проходила*» (ПМА, 2004. А. З. Мышкин, 1934 г. р., д. Гулекшур).

¹ Здесь и далее в бесермянских словах часто встречающийся звук, отсутствующий в литературном удмуртском языке и обозначаемый как **ъ** в кириллической транскрипции, указывается буквой **ө** как предложено в издании «Тезаурус бесермянского наречия» [Усачева и др. 2017].

Временные параметры и предписания

В масленичную неделю регламентировались работа, отдых, пища. Катания с гор и развлечения продолжались всю неделю, но кульминацией были дни с четверга до вечера воскресенья. Эти временные параметры как праздничные устойчивы в воспоминаниях старшего поколения:

«Масленица (*маченча*) начиналась в четверг. Четверг, пятница, суббота, воскресенье. Четыре дня. В *крень* (здесь: понедельник) пост и уже все» (ПМА, 2000. В. Н. Борисов, 1928 г. р., д. Шамардан).

«Мы дети ходили Масленицу три дня. Воскресенье последний [день] уже. Суббота, пятница, <...> в четверг начинали» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., д. Юнда);

«Праздновать начинают Масленицу (*юоно кучеко маченча* – букв.: пить начинают масленицу). Четверг празднуют, пятницу празднуют, в субботу, воскресенье и *крень* (здесь: *крень* (хрен) – Чистый понедельник). *Крень* уже называют» (ПМА, 2000. Р. М. Караваева, 1926 г. р., д. Шамардан);

«Масленица бывает не один день, а три-четыре [дня]. Потом воскресенье *крещенья* (здесь: воскресенье) – это еще Масленица. В понедельник *крень* называли, и всё заканчивалось. В понедельник лепёшки (*табань*) уже не пекли, тогда как во время Масленицы – все лепёшки *табань* пекут все 3-4 дня. Как воскресенье (*крещенья*) пройдет, понедельник наступает, вот [тогда] постное готовят» (ПМА, 2000. В. Н. Борисов, 1928 г. р., д. Шамардан).

Период Масленицы считался праздничным и свободным от работы: «В Масленицу (*маченча*,) как и в Пасху, не работают» (ПМА, 2000. Н. В. Ляпина, 1922 г. р., д. Тылыс). Соблюдали запреты на некоторые виды работ, приостанавливали обмолот зерна: «Это самый большой праздник был в прежние времена. Рассказывали, что три дня даже не молотили» (ПМА, 2000. Р. М. Караваева, 1926 г. р., д. Шамардан). Не разрешали шить, опасаясь, что не будет гусят: «Во время Масленицы (*маченча*) шить не разрешали, мол, у гусихи яйца сгниют. А сейчас уже никто этого не знает. Сгниют, так сгниют, а не сгниют, – так не сгниют» (ПМА, 2000. Караваева Р. М., 1926 г. р., д. Шамардан).

Среди хрононимов, связанных с Масленицей, – поминки *вёе порон поминка* (букв.: поминки перед наступлением / вхождением в Масленицу) (д. Ворца), поминки *вёе порон поминка* (д. Шамардан), *вёё поминка* (д. Гордино), *маченча поминка* (дд. Жувам, Ворца), *тулос поминка* (букв.: весенние поминки), *вее пёрон поминка* (дд. Жувам, Ворца) – Вселенская родительская (мясопустная) суббота (последняя суббота перед Масленицей) и *четвертой поминка* (с. Ёжево, д. Шамардан) – Вселенская родительская суббота четвёртой недели Великого поста (здесь четвертая седмица Великого поста) (ПМА), [см. также: Усачева и др. 2017, 304–305]. «Маченча *вёе порон поминка* во время Масленицы» (ПМА, 1995. А. В. Вершинина, 1926 г. р., д. Ворца). В обозначении поминок вместе с термином *маченча*, производным от «масленица», встречается и название от слова *вёй* (бесерм.: масло).

Некоторые рассказчики затрудняются точно назвать время проведения этих поминок, что, возможно, связано со степенью знания православного календаря в разное время, и тем, что поминки посещали не все. В году было несколько поминок², когда на кладбище ходили все жители деревни, а на поминки, предшествующие и последующие Масленице, лишь отдельные:

«После Пасхи (*Паска*) на девятый день ходим на поминки. Это первые поминки в году. Есть еще *вёё поминка* (букв.: поминки на Масленицу, масленичные поминки), туда почему-то мы не ходим. Идем после Пасхи. Потом *Тройча* (Троица), затем *Илин день*, *Покров*. А на поминки в Масленицу *вёй поминка* мы не ходим» (ПМА, 2004. Тютинина З. С., 1936 г. р., д. Гордино).

«[С Масленицы до Пасхи есть какие-то поминки?] – Называют *маченча поминка* (букв.: масленичные поминки, поминки на Масленицу). Некоторые ходят. [Они в какие дни?] – Этого не помню. Число сказать не помню. *Тулос поминка* (букв.: весенние поминки) называют их. Мы на них не ходим и не ходим на поминки в *гербер* (здесь: на Петров день, 12 июля по новому стилю), а на остальные ходим. Мать не ходила, и мы не идём» (ПМА, 2003. Н. Е. Попова, 1932 г. р., д. Жувам).

«Бывают еще поминки на Масленицу – *маченча поминка*. До масленичных поминок, говорят, еще бывают поминки, но мы не ходим. У кого есть недавно умершие, те идут до Масленицы. <...> [Это в какие дни?] – *Маченча поминка*... Не знаю. Там дата меняется (*нуналэз кэстаське* – букв.:

дата тянется). Идут и те, у кого есть умершие недавно, а те, у кого давно, – не ходят на масленичные поминки» (ПМА, 2003. Л. А. Вершинина, 1932 г. р., д. Жувам).

«После Масленицы *маченча* четвертые поминки делают (*четвертой поминка*)» (ПМА, 2003. М. И. Бекмементьева, 1915 г. р., с. Ежево).

«Называют *масенча поминка*, *вее пѣрон поминка*. Одни после Масленицы, другие позже. Число есть. Их как-то с Масленицы начинают считать неделями, сколько недель [считают]. Это я не знаю» (ПМА, 2000. Р. М. Караваева, 1926 г. р., д. Шамардан).

Масленицу считали важной датой календаря: от неё вели отсчёт дней поста и времени наступления Пасхи: «Весной эта Пасха (*Паска*) после Масленицы (*маченча*)» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., с. Юнда).

Обряды, масленичные визиты, обходы и объезды деревни, катания с гор, как и некоторая обрядовая терминология и символика находят параллели с традициями соседних народов, например, северных удмуртов [Первухин 1888, II, 110] и русских.

Пространство праздника и масленичные катания

Катания с гор были основным масленичным развлечением. Катание на разных приспособлениях: донце прялки, объезды селения имели продуцирующий характер, были направлены на получение хорошего урожая, длинного стебля технических культур – льна и конопли.

Места для праздничных катаний – улицы, центр селения, возвышенности в окрестностях или в черте деревни. Катались на санках, санях, различных приспособлениях (деревянных катках, досках), установленных на склонах шестах. Объезжали деревни на лошадях в праздничной упряжи. Катания обычно начинались в четверг и достигали кульминации к концу недели, завершаясь в воскресенье: «Катались в Масленицу (*маченча*) с четверга по пятницу» (ПМА, 2000. Е. В. Зянкина, 1924 г. р., д. Филимоново), «В Масленицу мы дети всю неделю с горы не поднимались [домой] до темна» (ПМА, 2004. А. З. Мышкин, 1932 г. р., д. Гулекшур), «Взрослые и дети катались с гор на санках. На дно корытца наморозят лед и катаются. Катались на лошадях, запрягая в кошовку. <...> В 1970-х годах кататься на Масленицу перестали» (ПМА, 2000. Т. С. Балтачева, 1937 г. р., д. Гулекшур). После Масленицы приспособления в Чистый понедельник ломали и разбирали.

В обычные дни с гор катались дети, но в Масленицу – все, включая молодежь и старших мужчин. Катание детей в это время поощряли родители, считая, что оно способствует хорошему урожаю: «Родители сами отправляли кататься» (ПМА, 2000. М. С. Яшкина, 1937 г. р., д. Тылыс).

«Мы дети катались с конца улицы до конца улицы и снова возвращались. [Катались] столько – сколько нам хочется. Утром нам лошадей запрягут: идите – катайтесь. А после возвращения из школы примерно в часа три уже [катались]. В день воскресенья, его уже называют *бѣльѡм сиѣн нунал* (букв.: день, когда едят блины), тогда уже с утра лошадь запрягут. В хозяйстве же есть кто-то: то старики запрягут; то кто из молодых. Ай-да, катайтесь!» (ПМА, 2000. Урасинова П. А., 1918 г. р., д. Юнда).

Приспособления для катания с гор

Встречались различные приспособления для масленичных катаний: это доски и лотки (корытца) разной конструкции *йе пѡл* (букв.: доска из льда), *йе каток* (ледяной каток), *йе корытча* (букв.: ледяное корыто), *катушкѡ*. Приспособления как «ледяные доски» делали из широкой доски длиной обычно до полуметра с зауженной частью (клином) впереди – *йе пѡл* (букв.: доска из льда), *йе каток* (ледяной каток). Приспособление *йе корытча* (букв.: ледяное корыто) делали из расколотого пополам бревна, выдолбленного в виде корыта и с закруглением (клином) в носовой части. В середине корытца для сидения иногда вырубали одно или несколько небольших углублений. К задней части могли крепить для упора перпендикулярно небольшую дощечку-спинку.

Особым образом готовили днище: нижнюю, скользящую часть. Покрытое льдом дно позволяло скатываться с большой скоростью. Заранее готовили доски и формировали днище: предварительно намазывали теплым конским или коровьим навозом нижнюю часть, обливали водой, покрывали мокрым снегом *сулеп* и замораживали: «Специально в морозный день эту наледь делали. Холодную воду налива-

ют, чтобы скатывалось быстрее. Ну, это молодые парни, подростки уже готовят. Это развлечение детей с ледяной доской» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., д. Юнда); «На дно корытца наморозят лед и катаются. Корытце льдом намораживали тусьлөсь йе каро вал» (ПМА, 2000. Т. С. Балтачева, 1937 г. р., д. Гулекшур); «Доску намазывали теплым навозом и водой. Намажут навозом, заморозят. Покатаемся, и вечером снова намажут» (ПМА, 2000. М. С. Яшкина, 1937 г. р., д. Тылыс). По мере необходимости наледь на днище подновляли, снова обливая водой, укрепляя навозом, смесью снега и воды.

«Ледяная доска (*йе пөл*) говорят. На ледяной доске (*йе пөл*) хоть целый день, дети, катайтесь. И мы катались. А молодёжь нет. *Йе пул* сейчас говорят, а мы *йе пөл* называли. Делали наши же друзья. Сиденье не обязательно бывает в этом корыте, а усадят – и катимся, не пачкаемся уже, не мёрзнем» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., д. Юнда).

«Это в Масленицу на санях, на снеге <...> А нам, детям, уже на лыжах, салазках [покататься]. Прежде не только салазки, а вот такой длины доска [была]. Такое сидение сделано. Вот у неё с нижней стороны лед намораживали (*йе кисьтэмөн*). Это *йе каток* (ледяной каток) называли. На нём вниз скатывались. <...>Примерно метр была. У кого как. У некоторых больше метра, но длиннее не было. Ну, [катались] на салазках, санях, усевшись в кошовки» (ПМА, 2004. А. З. Мышкин, 1932 г. р., д. Гулекшур).

Некоторые доски и корытца имели сзади ручки-палки для регулирования движением или сиденья, иногда, то и другое. Приспособление, аналогичное «ледяной доске», состояло из полозьев (одного), в задней части в качестве руля имело вертикально закрепленные палки высотой примерно с метр. Похожее приспособление встречалось среди русских Вятской губернии и называлось «конек» [Покровский 1994: 366 – 367]. Катались по несколько человек, чаще парой: стоящий сзади держался за палки и направлял движение.

«На эту ледяную доску приделаны две палки. Толкающий усаживается и сам едет, быстро отталкиваясь. Толкает и встаёт туда. И вперед едет. Палками отталкиваясь, как на лошади едет. Пятьдесят-семьдесят сантиметров только эти палки были <...>Девочки если выйдем, то друг друга катаем. Одна сзади управляет, две ручки [имеются]. Примерно полметра высотой бывает и придерживается так, управлять ею нужно. Зависит от того, какая ледяная доска *йе пөл*. Делали и на одного человека, а некоторым и длинное корыто» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., д. Юнда).

Приспособление в виде скамейки (табурета) крепилось на полозья, к ним прибавляли дощечки для сидения и позади перпендикулярно стойки.

«Делали катки *катушкá*. Катались на санях *дэдь*. Доску намазывали теплым навозом и водой. <...> Доска длиной 60 сантиметров и катается один человек. На доске были небольшие стойки и доска для сидения. Дети до 15 и 20 лет катались. Родители сами отправляли кататься» (ПМА, 2000. М. С. Яшкина, 1937 г.р., д. Тылыс).

Подобное приспособление встречалось у русских и называлось «кобыла» [Покровский 1994: 367] или «кобылка» [Черных 2007, 208]. Оно служило для катания в паре: где один сидел, а второй стоял сзади и, держась за перекладину, управлял движением.

Катание на жердях

Масленичным развлечением, как в соседних удмуртских, так и русских деревнях, было катание на шестах *пуш* (шесты), *масленча пуш* / *маченча пуш* / *мачинча пуш* (букв.: масленичные шесты).

«В Масленицу (*масленча*) на жердях *пуш* катались. Собирали снег в груды, сверху жерди клали. Если гора длинная, то жерди длинно клали. Для маленьких небольшую гору делали. Жерди парой укладывали и вдвоем катались» (ПМА, 1999. А. И. Биянова, 1925 г. р., д. Гурзи).

«Масленица (*маченча*) по весне. Подростком я уже был. В Масленицу на улице делали кататься *масленча пуш* (букв.: масленичные жерди). Парами катались. Так парами, взявшись за руки. Один с

этой стороны. Пара за руки держится, скатываемся вниз и падаем, и по всякому. Ну, интересно же. Только молодежь так. Днем – мы дети. Вечером – взрослые девушки, парни молодые. Там у них самое место для встречи, у молодёжи. На улице это было. Специально делали жерди» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., д. Юнда).

Изготовлением масленичных шестов, приспособлений для катания, укатыванием склонов занимались молодежь и взрослые мужчины. Сверху вниз по длине склона на небольшом расстоянии (вытянутой руки) параллельно друг от друга укладывали деревянные шесты. В длину они достигали нескольких десятков метров. Очистив шесты от сучьев и коры, обливали водой до образования ледяной корки. Внизу склона стелили солому, чтобы при падении избежать травм.

«Масленица в воскресенье была. Это за неделю готовили [жерди]. Вначале парни собирались. Женщины, девушки делать не будут. Мужчины специально делают масленичные жерди кататься. И мы, дети, идём. Откуда сможем сесть, с середины или сверху, так спускаемся. Жерди специально рубили, из леса приносили. В каждом хозяйстве лошади были. Потом их [жерди] чистят, и по частям соединяют. Они длинные бывают, с одной жердью ведь не сделаешь» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., д. Юнда).

Стараясь усилить скольжение, на подошвы лаптей лепили влажный снег *сулен* и специально его подмораживали. Катались на шестах в парах, держась за руки. Катание на шестах исследователи считают наиболее распространенным именно в Вятской губ., в т. ч., среди русских разных волостей [Покровский 1994: 367 – 368]. Как именно масленичное развлечение оно встречалось у соседей бесермян – северных удмуртов [Первухин 1888, II: 108].

Катание на лошадях

В Масленицу катались на санях *дэдэн лашкиннян* (букв.: кататься на санях), запрягая лошадь. Совершали выезды по улице, ездили кругами по деревне, иногда в соседние селения. Есть единственное упоминание, что в Масленицу нужно посетить 12 селений (ПМА, 2000. Шамардан). В пер. пол. дня катались подростки и дети; ближе к вечеру – молодежь и взрослые. Парни катали молодуху и ее подруг.

«[Куда-то заезжали?] – Просто так катались. По улице, куда-то ещё подальше. Ну, на поля, может, выезжали. А из деревни в деревню угощаясь (*сиса-юса*) не ездили. Проводы Масленицы *маченча келян* называли. Вот, во время проводов так ездили» (ПМА, 2004. А. З. Мышкин, 1932 г. р., д. Гулекшур).

Катание служило и своеобразной демонстрацией повозок. Лошади и упряжь украшали лентами, отрезами тканей, полотенцами, запрягали в праздничную повозку. К дуге подвешивали один или несколько колокольчиков для праздничных выездов: *сюан гөрлө* – свадебные колокольчики; *маченча гөрлө* – масленичные колокольчики: «*Раскатывали на лошадях с колокольчиками. Украшали дуги кистями*» (ПМА, 1999. А. И. Биянова, 1925 г. р., д. Гурзи); «*Катались на лошадях по улице. На дугу привешивали колокольчик и катались со звоном*» (ПМА, 1991. Е. Г. Зямбахтина, 1925 г. р., д. Турчино). Эти колокольчики хранят в семьях, встречаются они и в местных музейных собраниях.

«Украшали кто как мог. Во-первых, дуга была расписной. Колокольчик подвешивали. К дуге два колокола привязывали, и на шее у лошади был колокол. На шее был другой звук (*мукет кварез*), а здесь [на дуге] – свадебный колокол (*сюан гөрлө*), так его называли. Очень тонкий голос (*векчи кварез*) у него получался. Два колокола. У них как-то получалось так, что словно разливался [звук]. Вдоль по улице ездили, платки [на лошадей], да что [другое] клали» (ПМА, 2004. А. З. Мышкин, 1932 г. р., д. Гулекшур).

«Около ушей лошади платки вешали. Сюда на голову под уздечку. На дугу тоже повяжут. С парой колокольчиков катались. Я ещё видел, как катались» (ПМА, 2000. В. Н. Борисов, 1928 г. р., д. Шамардан).

«Полотенца вешали. Если у кого есть, то ленты, ткани вешали, с полотенцами [катались]. С колоколами катались особенно. Масленичный колокол *масленча гөрлө* называли, специально на дугу. Если

на одной лошади [катались], то этот колокол на одну дугу подвешен» (ПМА, 2000. П. А. Ураσιнова, 1918 г.р., с. Юнда).

«Катались на лошадях. Украшали их. Сами в красивой одежде. Лошадей иногда в пару впрягали. Полотенца, ленты привязывали на дугу. Катались по улицам. Больше ни на чем не катались. После Великой Отечественной перестали кататься» (ПМА, 1999. А. Д. Сабрекова, д. Глазов).

Хозяева домов выносили в подарок платки и ткани, привязывали их на упряжь подвехавшей повозки. Подарками служили вещи, имевшие выраженный аграрный и растительный характер: веники, пучки льна, конопли.

Дети и молодёжь катались отдельно и в разное время. Днём собирались дети; после обеда и ближе к вечеру – молодёжь. Парни катали девушек. Возрастные и гендерные особенности масленичных развлечений отмечали многие рассказчики, заставшие обряд в сер. и во вт. пол. XX в.

«Катание с гор молодёжи – это одно, а катание на лошадях – это другое. Нам специально лошадь запрягали, нас детей отправляли [кататься]. Мы друзей соберем, на санях катаемся, то поем, то просто так. У отца был младший брат по имени Иван, он и в пару впрягал. Они – молодёжь – своих невест катали. Подруги невесты там собирались. Дети отдельно днём катались, а они уже после обеда катались» (ПМА, 2000. П. А. Ураσιнова, 1918 г. р., с. Юнда).

«Катались на лошадях по улице. На дуге разные колокольчики. Сядем в одни сани, потом пересядем в другие. Дуги с кистями. Парни и девушки вместе, те, кто постарше, вместе [катались]» (ПМА, 1999. Ю. П. Биянова, 1917 г. р., д. Гурзи).

Масленичные катания и выезд встречались до конца 1930-х гг., когда сохранялся традиционный календарь, была стабильной гендерная и демографическая ситуация. В период Великой Отечественной войны объезд устраивали, отдавая дань традиции, подчеркивая его аграрный и важный символический характер в структуре праздника. Из-за отсутствия юношей и молодых мужчин в объезде участвовали парни-подростки и девушки. Выезды были малочисленны и поезд мог состоять из одной повозки. Порой из-за нехватки или отсутствия лошадей, объезжали деревню на быках, заменивших в годы войны мобилизованных на фронт лошадей. В воспоминаниях В. Н. Борисова (д. Шамардан) – удивительного рассказчика, знатока народной культуры – есть описание такого масленичного выезда в годы войны, когда он был ещё подростком. В.Н. Борисов объезжал деревню на годовалом бычке, который заменил в колхозе лошадь и был им обучен для езды в упряжи:

«Я этого бычка всегда запрягал в большие салазки. Вот и на Масленицу запряг его. Еду по улице. Четыре-пять девушек сели ко мне на санки. Из парней один я был. Вот, еду по улице. В конце улицы крестные, родственники живут. Тканей да чего такого в то время не было. Платков не было. Лён на дугу мне привязали. Веник, веник банный привязали. Именно в Масленицу я так попал. Бычка не видно под привязанными вениками и льном. [Веники повязывали?]. На лошадей раньше повязывали. А что во время войны ещё найдётся? Раньше полотенца клали, платки, вот женские платки клали, на дугу привязывали. [Веники принято?] Как будь-то, это подарок дают бычку. Масленица ведь. Ну, уже как подарили хоть что-то. В войну какая в то время ещё одежда могла быть? Это уж как подарок какой-то подарили. Родственники. [А если на лошади, то для нее дают?] На лошадь, на лошадь кладут. Если видят, что едет кто-то из близкой родни, то быстро домой забегают и выносят из избы. Так было. Себе берёшь это. Себе. Какой-то, но надо дать подарок» (ПМА, 2000. В. Н. Борисов, 1928 г. р., д. Шамардан).

Во второй половине XX в. выезды по деревне сохранялись. В празднике «Проводы русской зимы» в 1970–80-е годы воспроизводили сохранившиеся в памяти старшего поколения элементы масленичных катаний в праздничной упряжи.

Катание на донце прялки

Женщины и девушки катались с гор на санях и на донцах прялок или с прялками. Эти катания считали обязательными. Следовало скатиться хотя бы раз: далеко скатишься, длиннее будет стебель льна и конопли. Женщины катаясь произносили (выкрикивали): «Пусть лен вырастет хорошо!» *Етөн мед десь будоз!*; «Пусть лен вырастет длинным!» *Етөн мед кузь будоз!*

«Ходили кататься. Но война была. Кому в это время захочется. Просто старики говорили: Масленицу (*маченча*) так делали, то проводили. Прялку брали и около реки катались в Масленицу, усевшись на прялку. В Масленицу (*маченча*) так. Кто на чем может: кто на прялке, кто на доске. Девушки на выданье катались на прялке (ПМА, 2001. Л. А. Вершинина, 1932 г. р., д. Жувам).

Катания девушек брачного возраста были и формой гадания, чтобы узнать место замужества: далеко или близко от родительского дома.

«В Масленицу (*маченча*) девушки на выданье катались на прялке. Далеко или близко, мол, выйдешь замуж. Если прялка далеко прокатится, проедет – далеко замуж выйдешь. Моя мать тоже [каталась]. Вот народ далеко скатился, а моя [мать] не скатилась. В свою деревню замуж вышла, так рассказывала, помню» (ПМА, 2000. Е. Г. Зямбахтина, 1925 г. р., д. Турчино).

Катание девушек брачного возраста на донце прялки в некоторых деревнях было обязательным, в то время как остальные катались любым другим способом (д. Ворца).

Продуцирующие функции женского катания на Масленицу встречаются во многих традициях. У южных удмуртов их связывали с ростом конопли [Бойкова, Владыкина 1992, 12]. Прокатившись, женщины поднимали прялку высоко над головой и просили хорошего урожая [Munkácsi 1952: 35]. Масленичное катание женщин с гор на хороший урожай льна распространено среди русских разных территорий [Соколова 1979, 43–44; Черных 2007, 216].

Ритуальная пища

Некоторые блюда были символом и пищевым маркером праздника. Масленичная кухня и трапезы подразумевали обилие и калорийность блюд, приготовление определенных кушаний, переход к постной еде с завершением праздника. Обильный стол символизировал сытный, обильный и урожайный аграрный год.

Гостевание, трапезы

Трапезы, визиты к родным, обходы молодежью деревни с угощением были частью праздника: «друг к другу ходили», «неделю праздновали», «по домам угощались». В Масленицу ходили к односельчанам и родным. Молодожены с четверга по воскресенье навещали родителей невесты, что было частью послесвадебных визитов. К приезду готовили стол. Перечень блюд соответствовал гостевому столу сезона, включал обильную выпечку и масленичные блюда (лепешки, блины).

Приготовление праздничной и обильной пищи, обходы деревни с угощениями подчеркивают ритуальный характер трапез и блюд: «Друг к другу ходили, к кумовьям» (ПМА, 1999. А. Д. Сабрекова, 1915 г. р., г. Глазов); «Масленицу *маченча* неделю праздновали (*арня юэлизэ* – букв.: неделю пили). Из дома в дом с песнями неделю ходили» (ПМА, 1999. М. Е. Биянова, 1927 г. р., д. Бигер Боня); «В Масленицу ходили по домам угощаясь (*юиса вельтэлизэ*). С гармошкой, песнями ходили до позднего времени, до десяти часов. Заходили не во все дома. <...> Друг к другу ходили, к кумовьям» (ПМА, 1999. А. Д. Сабрекова, 1915 г.р., г. Глазов); «Ели-пили (*сиэлизэ юэлизэ* – букв.: пили-ели, угощались). Друг друга приглашали всегда» (ПМА, 2004. А. З. Мышкин, 1932 г. р., д. Гулекшур); «Пожилых много собиралось. Кушали блины *бэльэм*. Почему-то не столько родственники [приходили], а сколько молодые люди, кум и кума тогда называли» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., с. Юнда).

Гостевания и обходы деревни молодежью обозначались через пищевой код – *маченча юон / масленча юон* (букв.: пить/гулять масленицу), *уй юон* (букв.: гулять / пить всю ночь). Сведения о масленичном обходе встречаются в записях к XIX в.: «На святках и масленице девушки составляют хороводы и переходят с ним из дома в дом, где в благодарность за доставленное развлечение, хозяева угощают их» [Штейнфельд 1894: 247]. Масленичный обход устраивали в последний день недели, и он символизировал проводы Масленицы. К приходу молодежи готовили блины, на стол ставили суп, выпечку – шаньги, пироги. После исполнения песен и пляски, приглашали к столу. Обычно это была короткая трапеза или угощение в знак благодарности за визит, затем молодые прощались и шли в следующий дом.

Бесермяне верховьев Лекмы и Лемы (д. Ворца), по немногочисленным сообщениям, ещё в сер. XX в. устраивали на Масленицу посиделки младших подростков (детей). Собирали в складчину продукты, затем в чьем-либо доме при помощи взрослых устраивали трапезу. Варили кашу, яйца, приносили выпечку.

«В Масленицу (*маченча*) мы дети собирались. Кто крупу, кто молоко, кто яйцо несет. *Арвак* (здесь: посиделки с едой, угощением) делали. Сами дети еду варим, сами гостим. Праздник уже завершился, а мы ещё ходим *арвак* устраивая. И в войну так было. Что найдем, то принесём. «*Ани* (здесь: мама), мне это принести велели, а мне яйцо принести сказали». Мы, мол, *арвак* делаем.<...> Вот так ели-пили. Да, это мы, дети, праздник делали. Старшие проводят, а мы после них уже позже» (ПМА, 2001. Л. А. Вершинина, род. в д. Ворца).

Подобная трапеза детей на Масленицу встречалась у завятских удмуртов: дети 9–10 лет собирали по деревне крупу и у кого-либо в доме варили пшеничную кашу [Нуриева 1999, 93].

Блюда

Обильный стол, специальные блюда и переход к постной еде в числе маркеров обряда. Они связаны с символикой времени (дней) и пищи (блюдо) Масленицы. Непостную пищу называли *веё сион* (букв.: еда с маслом), *вей сион* (букв: кушать масло, масленое), постную – *постной, постной сион*.

Основное блюдо праздника – небольшие лепешки из дрожжевого теста *табань* или *пичи табань* (букв.: маленькие лепешки) из ржаной, пшеничной, смеси пшеничной и ржаной муки: «В масленицу (*маченча*) лепешки едят (*табань сиё*)» (ПМА, 2009. Г. Л. Зямбаева, 1927 г. р., д. Усть-Лем). Это блюдо в форме плоского хлеба готовили перед огнем на поду русской печи. Помимо Масленицы готовили и в другие дни, утром в воскресенье перед выпечкой хлеба на неделю, для гостей на следующее утро после приезда. Блюдо *табань* подавали с разными добавками: сметана, простокваша, замороженное и настроганное молоко, шербет (сладкая вода) с сахаром или мёдом, топленое масло, солёные грибы.

«Масленица *маченча* уже просто так проходит, праздник как праздник. А раньше что-то пекли. Маленькие лепешки (*пичи табань*) пекли. Вот такие (показывает – прим. авт.). Размером только с ладонь. Специально в маленькой тарелке (*пичи плошка*) воду нагреют и туда лепешки кладут. Потом их берут и кушают уже пораньше [утром]. А сейчас, что Масленица, что праздник с шаньгами [нет разницы]. Шаньги пекут, пирожки пекут, с этим [лепешками] уже не возятся. Масленичную неделю держали. Вот в четверг уже праздновать Масленицу начинают (*юөнө кучеко ни маченча* – букв.: пить/гулять начинают Масленицу). Четверг празднуют, пятницу празднуют, субботу, воскресенье, и *крень* (хрен, здесь: Чистый понедельник). *Крень* (хрен) называют. Тогда разную масляную еду уже кушать нельзя. Ни мясо, ни масло. В понедельник надо кушать хрен, редьку. Сейчас не выбрасывают [непостную еду]. Прежде это так соблюдали, прежде. <...> [В гости ездили?] Ездили. Это был самый большой праздник в прежние времена» (ПМА, 2000. Р. М. Караваева, 1926 г. р., д. Шамардан).

В некоторых деревнях делали не только лепешки из дрожжевого теста *табань*, но и тонкие блины на яичной основе *бөльөм* (Юнда, Каменное Заделье, Балезинский р-н), известные у соседей – северных удмуртов как *чуж мильым* (букв: жёлтые блины). В других деревнях блюдо под названием *бөльөм* несколько иного типа было поминальным, его готовили для посещения кладбища в дни поминок. Рецепт включал несколько яиц, немного (1-2 ложки) муки, выпекали его во всю сковороду в печи. Готовили один блин (толщиной примерно 1 сантиметр) и разрезали на части перед подачей. Термином *бөльөм* в отличие от выпечки из дрожжевого теста *табань*, сегодня обозначают и тонкие блины, в составе которых есть яйцо, похожие на блины русской кухни. Распространены и блины русской кухни, известное как *блинчики*. Масленичные блюда как важный элемент праздника встречаются в описании гостевых визитов и стола:

«Масленицу (*маченча*) праздновали. Устраивали угощение блинами (*бөльөм сиён карелизө*)» (ПМА, 2004. Мария Поликарповна, 1926 г. р., прож. в с. Каменное Заделье);

«Во время Масленицы ходили на блины (*бөльөм*). День, когда едят блины (*бөльөм сиён нунал*), – воскресенье. Собирались. Нам специально матери готовили *бөльөм* (здесь: блины). Родственников приглашаем два-три дома. Подруги были, их позовём. К каждому идём *бөльөм* кушать. У кого вкуснее, кто лучше делает» (ПМА, 2000. П. А. Урасинова, 1918 г. р., с. Юнда);

«В Масленицу (*маченча*) угощали блинами (*бөльөм сиён*). Из дома в дом ходили угощаясь. Шаньги и разное печенье, блины *бөльөм* пекли. Родственников позовут. И на следующий день так» (ПМА, 2003. Н. Е. Попова, 1932 г. р., д. Жувам).

Понедельник после Масленицы – Чистый понедельник – *крень нунал* (бук.: день хрена) / *крень* (хрен) был началом поста. Блюда уже состояли из рыбы, овощей, постной каши и похлебок. В состав постных блюд (*постной сиён* – бес.) входили квас с хреном и редька. Эти овощи символизировали постный стол:

«*Крень* [понедельник] называют, тогда ничего с маслом (*вей сион*) уже не едят. Ни масла, ни мяса [не кушать]. В понедельник надо кушать хрен (*крень*), редьку (*кушман*). Сейчас уже не выбрасывают [непостную пищу]. Прежде это соблюдали, прежде» (ПМА, 2000. Р. М. Караваева, 1926 г. р., д. Шамардан);

«Масленица (*маченча*). Я это уже не застала, но держали [праздник]. Масленицу (*маченча*) проводили катаясь. Там и пост был, постное (*постной*) [кушали]. Мясо кушать уже нельзя было, только рыбу» (ПМА, 2000. М. В. Сабрекова, 1932 г. р., д. Шамардан).

Корешок хрена, блюда с хреном символизировали завершение Масленицы, начало поста у северных удмуртов – соседей бесермян. Удмурты называли этот день не только *масленча келян*, *вей арня келян* (букв.: проводы масленицы / масленичной недели), но и *крень нунал* (сев. удм.), «день хрена», *крень* / *кирень* (сев. удм.), *крень-юон* (букв.: праздник хрена), тем самым обозначая блюда поста [Первухин 1888, 2: 109]. В Чистый понедельник *крень нунал* у северных удмуртов проходили женские посиделки. Корешок хрена как обрядовый атрибут встречался во многих ритуалах и блюдах этого дня [Владыкина, Глухова 2011, 76]. В некоторых деревнях северных удмуртов двое мужчин с розгами сопровождали процессию женщин, когда те, после посиделок со спиртными напитками и несколькими корешками хрена, обходили деревню и заходили в избы. Они угощали мужчин напитками, давали откусить от корешка хрена и говорили: «это и все, что осталось от Масляницы» [Первухин 1888, 2: 110]. Действие *кирень курчытны* (сев. удм.) (букв.: заставить откусить кусочек хрена), обход деревни, ритуальная потасовка мужчин и женщин, по мнению исследователей, свидетельствуют о продуцирующей и эротической символике ритуала [Владыкина, Глухова 2011, 74, 77].

В Чистый понедельник отдавали оставшуюся непостную пищу животным, разбирали приспособления для катаний с гор. Действия символизировали окончание праздника и наступление поста *визян*. Соблюдение поста крестьяне считали делом обременительным, держать его, как отмечали рассказчики, могли лишь состоятельные семьи.

«Проводы русской зимы», «Широкая Масленица»: к трансформации традиции

Во второй половине XX в. и начале XXI в. в изменении Масленицы можно выделить несколько этапов. Это – постепенное изменение традиционного календаря и обряда в результате социальных, экономических, идеологических и демографических причин. Во вт. пол. XX в. обряд сократился до одного дня, постепенно исчезли развлечения и молодежные обходы селения. Катания с гор, объезды деревни какое-то время сохранялись, но утратили массовый характер.

Новации конца 1960-х – начала 1970-х и 1980-х гг. связаны с формированием новой советской обрядности и внедрением через систему клубов праздника «Проводы русской зимы» с некоторыми элементами масленичных традиций. С его появлением в календаре бесермян стало два события: Масленица народного и православного календаря и праздник «Проводы русской зимы», проводимый клубом. Новый праздник не был привязан (или специально не привязан) к датам Масленицы по православному календарю, а проходил на рубеже заметной смены сезонов зимы и весны – в конце февраля-начале марта, в марте. День для праздника выбирали произвольно, иногда он попадал и на время поста. Это событие имело более светские и народные черты, в отличие от официальных мероприятий, и пользовалось большой популярностью.

Праздник «Проводы русской зимы», проводившийся повсеместно с середины 1970-х гг., приобрел общероссийские черты: к нему готовили сценарий, читали соответствующие событию стихи, пели русские народные песни из методических изданий и сборников для клубов, сжигали чучело Масленицы, пекли блины. В традиционном обряде бесермян не было обычая делать костры, сжигать чучело Масленицы или соломенный сноп. В праздновании же «Русской масленицы» и «Проводов русской зимы» – это действие встречалось повсеместно в сценарии и символизировало «прощание с зимой», «сжигание зимы». Кульминацией праздника была символическая передача ключей от Зимы к Весне – переодетым в костюмы участникам представления [Попова 2004, 195]. Праздник «Проводы

русской зимы» с унифицированными элементами русской Масленицы проходил в разных по этническому и конфессиональному составу селениях: например, он встречался у соседей бесермян – русских, удмуртов, татар-мусульман. Праздник отсылал к новой формирующейся общероссийской светской праздничной культуре. Названия – «Проводы зимы», «Проводы русской зимы» должны были подчеркнуть иную суть праздника.

Появление нового праздника связано с трансформацией сельской праздничной и обрядовой культуры, целенаправленным внедрением «советских» праздников. Анализ календарных обрядов бесермян показал, что во вт. пол. XX в. появляется новая по форме праздничная культура с унифицированной общероссийской или условно русской традицией, характерной для конкретных локальных групп, но подаваемая как «типичная». Новые праздники внедрялись через систему сельских клубов, без учета каких-либо этнических особенностей конкретных местностей или регионов [Попова 2004, 195]. Отмеченные тенденции совпадают с общероссийскими, связанными с организованным внедрением и разработкой новой советской праздничной культуры. Исследователи отмечают, что в 1950–1960-е гг. вновь был поставлен вопрос о новых гражданских праздниках, поскольку их развитие в силу объективных причин (главным образом из-за Великой Отечественной войны) было прервано [Тулцева 1985, 52]. «Проводы русской зимы» у бесермян вошли в число новых праздников: «Праздник урожая», «Осенний бал», «Праздник золотой осени», – проводимых сельскими клубами с середины 1970-х до конца 1980-х гг.

Масленица по православному календарю в это время сохраняется внутри семьи и в сельском социуме. Знание и соблюдение даты проведения Масленицы было важно для отсчета дней поста (даже, если его не соблюдали) и сроков Пасхи, которая считалась большим праздником и сохранялась в календаре. Совершали некоторые масленичные обряды продуцирующего характера. Например, встречалось (иногда тайное) катание женщин на донце прялки или санях. Многие обряды и масленичные развлечения перестали быть заметной частью жизни сельского социума, но совершались внутри семьи или отдельными людьми.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. с изменениями в обществе и трансформацией советской праздничной культуры в большинстве селений перестают проводить праздник «Проводы русской зимы». С этим периодом связаны постепенное «возвращение» православного календаря и актуализация народных традиций. Процесс занял несколько лет, прежде чем Масленица стала частью культурных событий села, но уже в новом формате.

Очередные изменения произошли в последние два десятилетия. Масленица проходит как сельский или районный праздник и называется «Праздник Масленицы», «Широкая Масленица», «Масленица», но часто в обиходе как «Проводы русской зимы». Происходит событие в дни Масленицы по православному календарю, но обычно накануне, в субботу.

Современная Масленица включает элементы фестивальной культуры и народных гуляний. Она отчасти сохранила структуру и оформление, сложившиеся в рамках праздника «Проводов русской зимы» в советский период. Сценарий основан на обобщённой русской традиции, не связанной с местной или какой-либо региональной. Обычно он составлен из разных сценариев, представленных в интернете. Эта тенденция характерна не только для рассматриваемой традиции, но, возможно, имеет более широкое распространение [см., например: Гаврилова 2016].

«Новая» Масленица включает развлечения, игры, катания с горок и на лошадях. В гастрономической её программе – блины по рецепту русской или советской кухни. С появлением мобильных печей на празднике готовят традиционную выпечку – *табань*. Современная масленичная кухня общественных мероприятий включает разные изделия из теста (шаньги, пироги и др.), готовят шашлыки как популярное блюдо многих праздников на открытых площадках. Символ праздника на районном мероприятии (с. Юкаменское) на территории компактного расселения бесермян был представлен в виде костюма блина одного из участников сценария.

Заключение

За последнее столетие Масленица народного календаря бесермян претерпела значительные изменения: от сохранения традиционных элементов в первой половине и середине XX в., трансформации в период войны из-за условий времени, гендерных и демографических причин, восстановления некоторых элементов в послевоенное время. Очередные изменения связаны с внедрением новой советской обрядности и праздника «Проводы русской зимы»; в новейшее время это стало культурным событием с элементами фестиваля. Со временем были частично или полностью утрачены важные пространственные,

временные и пищевые параметры праздника. Однако они актуальны при конструировании нового общественного праздника как ресурс при поиске местной и этнической составляющей. Важность этих параметров Масленицы подчеркивают и воспоминания рассказчиков из старшего поколения о катаниях, пище, гостевых визитах, что в основе нарратива о календарных обрядах бесермян.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термином *большом* во всех локальных группах обозначают у бесермян поминальное обрядовое блюдо. В рецепт входят несколько яиц и немного муки. Выпекают одно перед огнем печи (или в печи). Блюдо в размер сковороды и толщиной с палец (примерно до 1 см). Готовили блюдо в дни календарных поминок для посещения кладбища. Этим термином обозначаются также тонкие блины на яичной основе. Лепешки из дрожжевого теста называют *табань*. Этот термин используется и в отношении яичных блинов, но никогда в отношении ритуального блюда *большом*.

2. В течение календарного года кладбища посещали несколько раз в году: в поминки после Пасхи на девятый день фоминной недели, в субботу накануне Троицы, в Ильин день, в Покровскую родительскую субботу.

ИСТОЧНИКИ

Полевые материалы автора (далее ПМА), 1991. Зямбахтина Елизавета Гавриловна, 1925 г. р., д. Турчино, Юкаменский р-н, УР.

ПМА 1995. Вершинина Анна Васильевна, 1926 г. р., д. Ворца, Ярский р-н, УР.

ПМА 1999. Биянова Агрипина Ивановна, 1925 г. р., д. Гурзи, прим. с 1965 г., после исчезновения деревни, переехала д. Коротай, Балезинский р-н (ныне деревня входит в Глазовский р-н); Биянова Юлия Павловна, 1917 г. р., род. д. Гурзи; после исчезновения деревни, проживает в д. Курегово, Балезинский р-н (ныне деревня входит в Глазовский р-н), УР; Биянова (Пономарева) Мария Егоровна, 1927 г. р., род. д. Бигер Боня, Балезинский р-н, прож. д. Курегово, Балезинский р-н (ныне входит Глазовский р-н), УР.

ПМА 1999. Сабрекова Агафья Дмитриевна, 1915 г. р., род. д. Шамардан, прож. в г. Глазове, УР.

ПМА 2000. Караваева Раиса Михайловна 1926 г. р., д. Шамардан, Юкаменский р-н, УР; Балтачева Тамара Семеновна, 1937 г. р., д. Гулекшур, с 1958 г. прож. д. Тылыс, Юкаменский р-н, УР; Сабрекова Мария Васильевна, 1932 г. р., д. Шамардан, Юкаменский р-н, УР; Урасинова (Биянова) Павла Александровна, 1918 г. р., д. Юнда Балезинского р-на, УР; Ляпина Нина Васильевна, 1922 г. р., удмуртка, род. в д. Ешмаково, мать бесермянка, с 1941 г. прож. в д. Тылыс, Юкаменского р-на, УР; Зямбахтина Елизавета Гавриловна, 1925 г. р., д. Турчино, Юкаменский р-н, УР; Зянкина Екатерина Васильевна, 1924 г. р., в. Филимоново, Юкаменский р-н, УР.

Яшкина (Балтачева) Маргарита Степановна, 1937 г. р., род. в д. Малый Дасос (Полкар), с 1957 г. д. Тылыс, Юкаменский р-н, УР.

ПМА 2001. Вершинина Любовь Андриановна, 1932 г. р., род. д. Ворца Ярский р-н, прож. с 1958 г. д. Жувам, Юкаменский р-н, УР.

ПМА 2003. Попова Наталья Егоровна, 1932 г. р., д. Жувам, Юкаменский р-н, УР; Бекмементьева Мария Ивановна, 1915 г. р., с. Ежево, Юкаменский р-н, УР.

ПМА 2004. Мышкин Анатолий Захарович, 1932 г. р., д. Гулекшур, Юкаменский р-н, УР; Тютинина Зинаида Степановна, 1936 г. р., бесерм., д. Гордино, Балезинский р-н.

ПМА 2009. Зямбаева Галина Леонтьевна, 1927 г. р., д. Усть-Лем, Юкаменский р-н, УР.

ЛИТЕРАТУРА

Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов: Материалы исследования. Ижевск, 1992. Вып. 1. (Удмуртский фольклор). 191 с.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 318 с.

Гаврилова К. А. Возвращение народной культуры народу: Правильная Масленица и методическое руководство сельской самодеятельностью // Этнографическое обозрение. № 6. 2016. С. 27–43.

Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. (Русская этнография). 479 с.

Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999. 272 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Эскиз II. Вятка, 1888. 140 с.

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). Репринтное воспроизведение. СПб., 1994. 368 с.

Попова Е. В. Календарные обычаи и обряды бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 253 с.

Попова Е. В. Праздничное общение молодежи: игры и развлечения (по календарным обрядам бесермян) // Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск, 1992. С. 61–74.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, XIX–начало XX в. М: Наука, 1979. 287 с.

Тулъцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М: Наука, 1985. 191 с.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Часть II. Зима. Пермь: Пушка, 2007. 365 с.

Усачёва М. Н., Архангельский Т. А., Бирюк О. Л., Иванов В. А., Идрисов Р. И. Тезаурус бесермянского наречия. Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан) / Ред. Усачёва М. Н. Москва: Издательские решения, 2017. 540 с.

Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895. Вятка, 1894. С. 220–259.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuch // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne, 102. Helsinki, 1952. In German.

Поступила в редакцию 20.09.2019

Попова Елена Васильевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: elvpopova@yandex.ru

E. V. Popova

MASLENITSA ("BUTTER WEEK") IN THE FOLK CALENDAR OF THE BESERMEN: TEMPORAL, SPATIAL AND NUTRITIONAL PARAMETERS

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-697-710

The article deals with food, time and space parameters of the Beserman Maslenitsa ("butter week, crepe week") rite *Machencha / Machincha* in the folk calendar and their transformation in the modern rite. The time parameters of the holiday were limited by the week of the Maslenitsa, the last week before the Great Lent, which regulated the beginning and end of the ceremony, some types of works, forms of entertainment and meals. Spatial parameters of the ritual, as well as the movement (sledging) had a producing character, aimed at obtaining a good harvest (flax), and are associated with women's crafts. During the Maslenitsa days, the objects of the landscape – mountain, street, village center – were the places of festive sledgings, festivities and meetings. Maslenitsa rituals reflected the social changes of some residents and honours of members of the village community, family, social and age groups in their new status – newlyweds, young women, girls and boys of marriageable age. Meals, visits to relatives and festive walk rounds of the village's youth were part of the celebration. The main dish of the festival were small flatcakes named *taban'* made of yeast dough. Modern Maslenitsa as a public event refers to the holiday «Farewell of the Russian winter», with changes of the spatial, temporal and nutritional parameters of the traditional rite. The article is based on field materials and observation of the modern rite.

Keywords: Besermans, Maslenitsa, folk calendar, games, ritual food, time, space.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 697–710. In Russian.

REFERENCES

Boikova E. B., Vladykina T. G. *Pesni iuzhnykh udmurtov: Materialy issledovaniia. Vyp.1. (Udmurtskii fol'klor)* [Songs of the Southern Udmurts. Materials and Studies]. Issue 1. (Udmurt folklore).Izhevsk: 1992. In Russian and in Udmurt Language. 191 p. In Russian

Chernykh A. V. *Russkii narodnyi kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obriady kontsa XIX – serediny XX v. Chast' II. Zima.* Russian folk calendar in Kama the river's basin. Holidays and ceremonies of the late 19th – mid 20th century. Part II. Winter.]. Perm': Pushka, 2007. 365 p. In Russian.

Gavrilova K. A. *Vozvrashchenie narodnoi kul'tury narodu: pravil'naia Maslenitsa i metodicheskoe rukovodstvo sel'skoi samodeiatel'nost'iu* [Returning the Public Culture to the Public: The Correct Shrovetide and Administration of Rural Cultural Festivities] // *Etnograficheskoe obozrenie.* 2016. No.6. pp. 27–43. In Russian.

Korepova K. E. *Russkie kalendarnye obriady i prazdniki Nizhegorodskogo Povolzh'ia (Russkaia etnografiia)* [Russian calendar rites and holidays of the Nizhny Novgorod part of the Volga region]. St. Petersburg: Tropa trojanova, 2009 (Russian Ethnography). 479 p. In Russian.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D.R. Fuchs // MSFOu, 102. Helsinki, 1952. 160 p. In German.

Nurieva I. M. *Muzyka v obriadovoi kul'ture zaviatskikh udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i traditsionnogo myshleniia* [Music in Ritual Culture of the Trans-Vyatka Udmurts: Problems of Cultural Context and Traditional Mentality]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 1999. 272 p. In Russian.

Pervukhin N. G. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda* [Sketches of legends and life of foreigners of Glazov Uyezd: Sketch II.]. Vyatka, 1888. 140 p. In Russian.

Pokrovskiy Ye. A. *Detskie igry, preimushhestvenno russkie (v svyazi s istoriey, etnografiey, pedagogikoy i gigiyenoy)* [Children games, mainly Russian (in connection with history, ethnography, pedagogy and hygiene)]. Reprint. SPb., 1994. 368 p. In Russian.

Popova E. V. *Kalendarnye obriady besermian* [Besermian Calendar Rites]. Izhevsk: UIIAL UrO RAN, 2004. 253 p. In Russian.

Popova E. V. *Prazdnichnoe obshchenie molodezhi: igry i razvlecheniia (po kalendarnym obriadam besermian)* [Festive youth communication: games and entertainment (according to the calendar rites of the Besermians)] // *Traditsionnoe povedenie i obshchenie udmurtov* [Traditional Behavior and Communication of the Udmurts]. Izhevsk: UIIALUrO RAN, 1992. pp. 61–74. In Russian.

Shteynfel'd N. P. *Besermyane. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Besermians: Probes on Ethnographic Studies]. *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1895* [Calendar and Memory Book of Vyatka Province in 1895]. Vyatka, 1894. pp. 20–259. In Russian.

Sokolova V. K. *Vesenne-letnie kalendarnye obriady russkikh, ukraintsev i belorusov, XIX–nachalo XX v.* [Spring-summer calendar rites of Russians, Ukrainians and Belarusians]. Moscow: Nauka, 1979. 287 p. In Russian.

Tul'tseva L. A. *Sovremennye prazdniki i obriady narodov SSSR* [Modern holidays and rites of the peoples of the USSR.]. M: Nauka, 1979. 191 p. In Russian.

Usacheva M. N., Arkhangel'skiĭ T. A., Biriuk O. L., Ivanov V. A., Idrisov R. I. *Tezaurus besermianskogo narechiia. Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan)* [Thesaurus of the Besermian dialect. Nomina and auxiliaries of speech (the dialect of the village of Shamardan)]. Edit by Usacheva M.N. Moscow: Izdatel'skie resheniia, 2017. 540 p. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. *Argod-bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya ("Udmurtskaya obryadovaya azbuka")* [Ar-god bergan: Rituals and Festivals of the Udmurt Calendar ("Udmurt Ritual Alphabet")]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2011. 318 p. In Russian.

Received 20.09.2019

Popova Elena Vasilyevna,

Candidate of History, Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: elvpopova@yandex.ru